

ТРИ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ К. МАРКСА

К. Н. Любутин

Институт философии и права Уральского отделения РАН

П. Н. Кондрашов

Верхнесалдинский авиаметаллургический техникум

Поступила в редакцию 11 сентября 2008 г.

Аннотация: анализируя марксову философию истории, авторы показывают, что в теории К. Маркса наряду с социально-производственным (материалистическим) пониманием истории имеется экзистенциальная интерпретация истории, согласно которой историчность представляет собой постепенное движение от всеобщего труда (*die Arbeit*) через классовое разделение труда и наслаждения к тотальному господству самодеятельности (*die Selbstbetätigung*).

Ключевые слова: марксизм, материалистическое понимание истории, историчность, прaxis, труд, самодеятельность, наслаждение, экзистенциальная интерпретация исторического процесса.

Abstract: in analysis K. Marx's philosophy of history the authors point out that in Marx's theory, along with social-production (materialistic) conception of history, there is existential interpretation of the history in which the historicity is the gradual movement from the universal toil [*die Arbeit*] through the class division of toil and delight to the total prevalence of the spontaneous action [*die Selbstbetätigung*] that is characterized by the freedom and the delight.

Key words: marxism, materialist conception of history, historicity, praxis, labor (toil), spontaneous action, delight, existential interpretation of the history.

В 2008 г. философское сообщество отметило 190-летие со дня рождения одного из величайших мыслителей человечества — Карла Маркса. Такая солидная дата совершенно не означает, что имя юбиляра кануло в Лету академических изысканий, и теперь о нем лишь мельком упоминают в разделах по истории философии XIX в. как об «одном из мыслителей той эпохи». Напротив, постоянно возобновляющиеся неолиберальные нападки на Маркса и марксизм (который почему-то отождествляется только с его политической концепцией — коммунизмом) указывают на то, что *Маркс не умер*. В научных кругах Запада он является признанным классиком социальной мысли, до такой степени вошедшим в плоть и кровь традиции, что ученые, которые даже никогда не читали его работ, «чувствуют» социум «по Марксу». Но если в западной философии отношение к Марксу в целом достаточно «ровное» (не считая некоторых старых антимарксистов времен холодной войны), то в России, когда-то считавшейся воплощением его идей, — не вполне здоровое: от слепого поклонения сталинистов до полного

неприятия «демократами». Хотя такая «экзистенциальная» позиция, безусловно, свидетельствует о том, что его мысль и сегодня оказывается востребованной (сколько бы неоллибералы не шумели по поводу «смерти марксизма», они регулярно обращаются к его очередному «разоблачению»). Но самое интересное состоит в том, что ни бездумно положительное, ни столь же бездумно отрицательное отношение к Марксу не способствует адекватному пониманию его философских, экономических, социологических и политических идей: Маркса не понимают не только его противники и критики, но и большинство тех, кто гордо называют себя «марксистами».

На наш взгляд, самой извращаемой частью марксовой теории является его *философия истории*, которую сам Маркс называл *материалистическим пониманием истории*. Непонимание философии истории Маркса выражается прежде всего в том, что 1) Маркса считают экономическим детерминистом, 2) приписывают ему внеантропный, объективистско-позитивистский схематизм пяти общественно-экономических формаций и, наконец, 3) неверно понимают слово «материализм» в приложении к его философско-исторической концепции.

В данной статье мы попытаемся взглянуть на некоторые аспекты марксова философско-исторического учения в несколько ином ключе, чем это было принято как в советском марксизме-ленинизме, так и в большей части работ западных марксистов, и показать, что его философия истории не является экономически ориентированным детерминизмом, а представляет собой антропологическую и экзистенциальную интерпретацию истории.

Вся система Маркса являет собой социальную философию, основанную на понимании социальности как конкретно-исторического развертывания человеческой деятельности. В этом смысле в основе марксовой философии лежит философская антропология, поэтому любую часть этой философии можно адекватно понять только через учение о человеке. Данный методологический принцип распространяется и на философию истории Маркса.

К. Маркс считает, что определить сущность любого явления можно, только указав на способ его бытия: то, каким образом вещь существует в мире, и определяет ее сущность в самом широком смысле этого слова. Способом, которым бытийствует человек, адаптируя природу в целях удовлетворения своих потребностей, является *сознательная преобразующая деятельность (die Tätigkeit)*, или *праксис* [1, с. 565].

Именно в этом *праксеологическом* ключе Маркс и понимает *историчность*. В «Немецкой идеологии» он дает следующее определение: «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях,

а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [2, с. 44—45].

Попробуем проанализировать данную дефиницию истории в целостном контексте марксовской философии и эксплицировать некоторые аспекты, срезы исторического процесса, как его понимает Маркс.

В процессе своего бытия (т.е. своей практической деятельности) люди в целях удовлетворения наличных потребностей «накладывают» праксис на природный мир, изменяя его материал таким образом, чтобы в своей измененной форме он мог удовлетворить собственно человеческие потребности. В результате такого практического преобразования природы, т.е. *производства*, возникает мир культурных артефактов — *предметный мир человеческого бытия*. Поскольку производство является деятельностью орудийной, в процессе разворачивания человеческой практики постепенно конституируется система технических средств производства по преобразованию природы в предметность и соответствующих этим средствам отношений между индивидами. Природа, практически действующие индивиды, техника, технология и производственные отношения, по Марксу, составляют *базис (Unterbau)* социального бытия, ибо именно на этом уровне производится и воспроизводится непосредственная индивидуальная и социальная жизнь. Само это воспроизводство материальных благ с необходимостью детерминирует определенную форму совместной деятельности людей, социальное разделение труда, систему межличностных отношений, т.е. форму совместной деятельности людей, направленная на воспроизводство их наличного бытия, и оказывается, по Марксу, *социальностью*, лежащей в основе (*sub-stantionare*) любого общества.

В силу того, что производственная деятельность и детерминируемые ею общественные отношения требуют своей регуляции, возникает система моральных, правовых, религиозных, идеологических и других регулятивов базисной деятельности, что в целом получило название *надстройки (Bebau)*. В своей совокупности базис и надстройка составляют *общественное бытие*, которое, осмысляясь индивидами в художественной, религиозной, научной, философской и даже обыденной формах, детерминирует возникновение *общественного сознания*, в прямом смысле этого слова — *осознанного бытия*: «Сознание (*das Bewußtsein*) никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием (*das bewußte Sein*), а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [2, с. 25]. В своей *тотальности* общественное бытие и общественное сознание составляют *социальную формацию*. В зависимости от того, как люди производят и воспроизводят свое бытие (какими орудиями, технологиями; какие отношения распределения и общения складываются между ними в зависимости от условий существования и производства и т.д.), в рамках формации конституируется и функционирует тот или иной *способ производства*.

В силу же того, что человеческая деятельность сущностно есть деятельность *преобразующая*, люди, постепенно усвершенствуя тех-

нику и технологию, изменяют не только средства производства, но и весь бытийный базис своего существования, а вслед за ним с необходимостью — и содержание регулятивной надстройки; изменение социального бытия влечет изменение общественного сознания. Таким образом, изменения способов производства со временем корректируют весь строй социальной жизни индивидов.

Отсюда видно, что история, взятая в ее общественно-производственном аспекте, с одной стороны, содержит в себе момент преемственности, непрерывности между различными поколениями, периодами (Маркс прямо говорит о *наследовании капиталов, деятельности и т.д.*), когда бытийно-производственные условия одного поколения оказываются априорными для всякого последующего; с другой стороны, эта непрерывность является динамической, ибо каждое новое поколение *преобразует* (усовершенствует или, напротив, деградирует) условия, воспринятые от предшествующего поколения.

Эта концепция, разработанная Марксом и Энгельсом, получила у них название *материалистического понимания истории* (а у более поздних марксистов — *исторического материализма*). Сегодня много спорят о правомерности применения рубрики «материализм» к этому учению. Дело в том, что Маркс и Энгельс использовали данный термин не в метафизически-онтологическом смысле — учение о никем не созданной вечной материи, каковое мы находим в диалектике природы Ф. Энгельса, — а в *праксеологическом смысле*: под «бытием» понимается человеческая деятельность (которая, кстати, имманентно включает в себя «идею», «сознание» в виде целеполагания), т.е. практическое единство субъекта и объекта; под «сознанием» же — мысли людей об этой деятельности. Фундаментальное отличие такого «материализма» от обычного философского материализма состоит в том, что под «бытием» Маркс понимает не столько объективную реальность в виде материи (Эпикур, Т. Гоббс, французские материалисты XVIII в.), или природного человека (стоики, Л. Фейербах), сколько диалектическое единство человека и природы в его практике. Базисной в этом бытии, с точки зрения Маркса, оказывается деятельность, направленная на производство и воспроизводство существования самого социального организма, т.е. *материальный праксис*. И здесь не важно, какое общество берется для анализа: и в первобытном, и в индустриальном, и в постиндустриальном (информационном) обществах в основе наличного, физического существования людей лежит их «питание», которое производится в сфере материальной практики.

В силу констатированной выше базисной роли производственной деятельности в общественном бытии для Маркса самой ближайшей интерпретацией истории становится интерпретация, в которой он фиксирует темпоральные изменения в механизмах наличного воспроизводства социального бытия. Исторические эпохи, различающиеся по способам воспроизводства, были названы Марксом *социальными формациями* (*Gesellschaftsformationen*). И уже относительно этого фундамен-

тального пункта марксовой философии истории его последователи и критики допустили неправомерные извращения, которые верно были названы *экономическим редукционизмом*. Согласно последнему, во-первых, существует только одна основа для движения истории — экономика (и в первую очередь техника), которая детерминирует все остальные составные части социального универсума; во-вторых, это экономически обусловленное развертывание истории фиксируется в пяти формациях — первобытной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической.

Даже самый поверхностный анализ текстов самого Маркса показывает, что оба эти суждения никакого отношения к нему не имеют. Во-первых, у Маркса нет учения о *пяти* общественных формациях, последнее является «изобретением» сталинистов. У самого же Маркса мы находим относительно вопроса о количестве формаций следующее: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, — такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей. Поэтому патриархальный, как и античный строй (а также феодальный), приходят в упадок по мере развития торговли, роскоши, *денег, меновой стоимости*, в то время как современный общественный строй вырастает и развивается одновременно с ростом этих последних» [3, с. 100—101].

Здесь речь идет о *трех формациях*, трех глобальных ступенях исторического развития, в рамках которых имеет место множество различных *способов производства*. В набросках ответа на письмо В. И. Засулич (1881 г.) Маркс пишет об архаической, или первичной, формации, основанной на общественной собственности; о вторичной формации, основанной на частном присвоении. Эта формация в предисловии к «Критике политической экономии» называется *экономической общественной (die ökonomische Gesellschaftsformation)* и охватывает азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства. Формация будущего — «*постэкономическая*». Но *только во вторичной формации экономические отношения играют решающую роль*. Экономика в данном контексте понимается как *производство потребительных ценностей как продуктов частных работ, субъекты которых вступают в контакт исключительно путем обмена, т.е. производство выступает в виде созидания меновых стоимостей*. Товарное производство достигает своего наиболее полного осуществления только при капиталистическом способе производства. В первичной же и тре-

тичной формациях в качестве производственного базиса выступают совершенно иные формы человеческой деятельности. Там нет «экономических отношений» в их товарно-денежной форме. Но это не означает, что там нет производства. Поэтому *экономическая интерпретация истории как некоторая всеобщая парадигма, приложимая ко всей человеческой истории, у Маркса отсутствует*: экономическими факторами объясняются только способы производства в рамках экономической общественной формации и, прежде всего, в капиталистическом способе производства.

Во-вторых, у Маркса мы не находим никакого технологического детерминизма. Безусловно, технологии и орудия труда, применяемые людьми в своей производственной деятельности, во многих отношениях детерминируют их бытие, но они — только один из многих факторов детерминации. В одних условиях решающим моментом оказывается техника, в других — технология, в третьих — природные элементы, в четвертых — экономическая эффективность, в пятых — организация производственного процесса, в шестых — наука или энтузиазм масс (например, во время войны) и т.д.

Достаточно *внимательно* прочитать первый том «Капитала», чтобы убедиться: Маркс не является экономическим, а тем более технологическим детерминистом. Так, например, один из наиболее важных сюжетов его анализа — происхождение капитализма из недр феодального способа производства: Маркс показывает, что причиной формирования капитализма явилось не изменение техники (это следствие), а изменения в *способе организации производственного процесса* разрозненных средневековых ремесленников под властью одного капитала.

Второй срез исторического процесса, имплицитно содержащийся в анализируемом определении истории из «Немецкой идеологии», связан с тем, что, как выражается Маркс, человеческие индивиды (поколения) не только наследуют свою деятельность и изменяют посредством нее положенные условия своего наличного существования, но также видоизменяют старые (априорные) условия посредством *«совершенно измененной деятельности»*, т.е. в результате разворачивания человеческой деятельности изменяются не только *условия*, но и сама *деятельность*. Именно этот последний момент, на наш взгляд, и позволяет методологически эксплицировать одну из важнейших идей Маркса — идею об историчности человеческой природы (сущности). В «Нищете философии» Маркс прямо говорит, что «вся история есть не что иное, как бесперывное изменение человеческой природы» [4, с. 162].

Как было показано выше, сущность человека представляет собой *деятельность*, понимаемую как *практическая взаимосвязь* человека с окружающим миром, связь, в непосредственном обнаружении которой конституируются отношения индивида с другими людьми, с природой, с предметным миром и, наконец, с самим собой, т.е. конституируются *общественные отношения* (*gesellschaftliche Verhältnisse*). Человек также оказывается *совокупностью всех тех отношений, связей, которые*

возникают в процессе развертывания праксиса между индивидом и внешним миром.

Таким образом, сущность человека — деятельность — включает в себя не только субъекта с его преобразующей активностью (*внутреннее*), но и объектный мир (*внешнее*), «втянутый» в эту активность. Практика — это вся *тотальная совокупность необходимых субъектных и объектных условий и структурных элементов этой активности*. Для Маркса человек — это не вещь, обладающая самосознанием и ограниченная пределами своего собственного тела, но действительная неразрывность *субъектной и объектной* сторон практики. Человек есть не только в-себе-сущее, «*внутреннее*» (комплекс тело/душа), но он постоянно в своей практике (представляющей собой диалектику овнешнения, опредмечивания внутреннего во внешний мир и распределенности, интериоризации внешнего бытия во внутренний мир психики) находится *вне себя* в прямом смысле этого слова: предметный мир оказывается *действительным, практическим продолжением его сознания и его тела*.

Субъектная сторона деятельности — это сами люди, их потребности, целеполагания, установки, мотивы, страсти, умения, навыки, знания, фантазии, предрассудки и т.д. *Объектная* сторона деятельности — мир природы, предметный мир, созданный предшествующими поколениями, структура сложившихся общественных отношений, совокупность объективированных регулятивов этих отношений вроде права, морали, государства и т.д. Их тотальность и есть *человек*.

Изменяя, преобразовывая внешнюю, природно-предметную сторону своего бытия, человек изменяет не только формы предметности, но и те отношения, которые фундируются в этих формах. Так, например, сельскохозяйственная деятельность детерминирует один тип взаимоотношений (деревня), а промышленность — совершенно другой (город). Уровень развития техники и способы ее использования в процессе производства определяют характер взаимосвязи между людьми, их образ жизни (*Lebensweise*); далее эти механизмы детерминируют юридическую, этическую и эстетическую надстройки, содержание и структуру общественного сознания, которое представляет собой совокупность того, что люди думают по поводу того, как они проживают свою жизнь, т.е. по поводу своего образа жизни. А коль скоро этот *Lebensweise* определяется способом производства (материальной деятельностью), то материальная деятельность и детерминирует содержание человеческих мыслей о ней. Мы думаем большей частью о том, что происходит с нами и вокруг нас. Или, как выражался Маркс: «Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [2, с. 25]. Структуры и содержание нашего непосредственного бытия, структуры нашей повседневной деятельности, интериоризируясь, формируют структуры и содержание нашего сознания. Поскольку человек в философской антропологии Маркса есть диалектическое единство внутреннего (сознание/тело) и внешнего (природно-предметно-социального

бытия), то, значит, вместе с изменением внешней стороны социального бытия изменяется и сам человек.

Таким образом, фундаментом изменения «субъектной» стороны человеческой природы выступает изменение ее «объектной» стороны. Деятельность (как присущая человеческому существу творческая активность) всегда разворачивается в структуре определенных общественных отношений, которые конституируются в результате развертывания этой деятельности, и вне которых она просто-напросто не существует. А коль скоро это так, то различные типы отношений (т.е. взаимосвязей между людьми и вещами, порожденные осуществляемой практикой) детерминируют различные по своему содержанию типы деятельности, а соответственно, и различные типы человека. Люди, занимающиеся различной деятельностью, существующие в различных системах этой деятельности, — *различные* люди, но при всем своем различии все они обладают способностью к деятельности, т.е. *человеческой сущностью*. Поэтому индивиды, преобразующие мир в различных условиях, различаются между собой, т.е. их единая всеобщая деятельностная природа *модифицируется* в соответствии с той объективной и субъективной предметностью, в рамках которой эта деятельность развертывается, и с которой она составляет *органическую тотальность*. Именно в этом смысле надо понимать известное различие Марксом «человеческой природы вообще» (инвариантной деятельности) и ее исторических модификаций, в которых инвариантная деятельность наполняется конкретным содержанием [5, с. 623; 6, с. 345].

Исторический процесс имеет не только внешнее, производственное преломление, он не только содержит в себе изменения в структурах человеческой деятельности, а значит и изменения человека, он также определенным образом *переживается* человеческими индивидами. И коль скоро человеческое бытие — это деятельность, то экзистенциальная историчность схватывает то, как человек внутренне переживает свою собственную деятельность.

Что же это за экзистенциальный срез историчности? В приведенном выше фрагменте о трех формационных ступенях исторического процесса Маркс делает упор вовсе не на производственную составляющую (которая есть базис), а на *человеческую, экзистенциальную* сторону исторического процесса, связанную с понятием *свободы*: история выступает как *процесс постепенного освобождения человека*. И это нам представляется решающим в марксовской философии истории.

Мысль о прогрессе свободы (в ней узнается тень великого учителя Маркса — Гегеля) формулируется Марксом во второй модели периодизации истории, которую можно было бы назвать *бинарной*. В этой модели все человеческое существование делится на *предысторию* (включающую в себя первичную и вторичную формации из предыдущей схемы, т.е. традиционное и индустриальное общества) и собственно *историю* (включает «постэкономическую» формацию). Иногда Маркс и Энгельс говорят о «*царстве необходимости*» (предыстория) и «*царстве*

свободы» (история). Чтобы понять сущность этой антропологической интерпретации истории у Маркса, необходимо снова обратиться к его учению о сущности человека.

Выше мы определили, что способом человеческого бытия является деятельность (*die Tätigkeit*), в которой диалектически связаны субъект и объект. Но способ этой взаимосвязи оказывается для Маркса весьма существенным, особенно в связи с его переживанием самим человеческим существом.

Дело в том, что индивид реализуется как человек только через свою связь с миром, поэтому мир для Маркса — это *выражение человеческой действительности*, в которой он осуществляет свою собственную действительность, в которой только и становится *человечным*. Чтобы чувствовать себя человеком, человеческое существо по своей природе всегда испытывает *имманентную* потребность быть связанным с миром (с другими людьми, животными, растениями, природой, с вещами, с самим собой) в *свободной творческой деятельности*, которая сама по себе, вне каких бы то ни было утилитарных целей, доставляет человеку *наслаждение*, конституированное *нормальной формой общественного общения между субъектной и объектной сторонами человеческого бытия-в-мире*. Именно такая деятельность является, с точки зрения Маркса, *собственно человеческой par excellence*, в отличие от *не-свободной, вынужденной жизнедеятельности* животного, направленной сугубо на достижение конкретных целей по удовлетворению тех или иных бытийных потребностей.

Если человеческая деятельность реализуется как внутренне и внешне *свободная* — а такова она по своей имманентной сущности, — то связь человека с миром экзистенциально переживается этим человеком как *наслаждение, удовольствие (Genuß)* [1, с. 568, 592—593, 608—609, 616; 2, с. 419]. Такую — *подлинно человеческую*, соответствующую понятию человека — форму праксиса Маркс называет *самодеятельностью (Selbstbetätigung)* [1, 571; 2, с. 67—70, 72—73]. Но в конкретно-исторических условиях существования человека подлинный праксис фактически никогда не осуществлялся в своей тотальности, а если и имел место, то только для весьма ограниченного числа людей (как правило, из экономически господствующего класса, ибо они освобождены от необходимости превращать свою деятельность в простое средство для выживания, а не в цель). Большинство же людей (трудящиеся в широком смысле) вынуждены осуществлять деятельность, которая именуется *работой (die Arbeit)* и которая приносит ее субъектам страдание, внутреннее опустошение и утомление, превращая человеческих индивидов в некоторое подобие скота. Такая форма деятельности называется *неподлинной, или отчужденной*.

В исторической ретроспективе диалектика подлинной и неподлинной деятельности может быть представлена следующим образом. В первобытном обществе в условиях ограниченности и примитивности орудий труда все члены общества были *вынуждены* осуществлять *тяжелый*

повседневный физический труд (*die Arbeit*) в целях сохранения своего собственного наличного бытия. Но с развитием техники, организации производства и умений *небольшая часть общества* в определенных условиях освобождается от *вынужденного труда* (*die Arbeit*) и начинает заниматься только той деятельностью, которая им нравится (*die Selbstbetätigung*) и доставляет удовольствие (*Genuß*). С постепенным движением истории и соответствующего развития производительных сил и производственных отношений, все большая и большая масса населения освобождается от *труда* и получает доступ к *самодеятельности*, правда пока только в виде постепенного увеличения *свободного времени*. Коммунизм же представляется Марксу как общество, в котором *все индивиды* будут осуществлять только *die Selbstbetätigung* («Устранение капиталистической формы производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом» [2, с. 539]).

Таким образом, видно, что для Маркса исторический процесс предстает в виде постепенного, во многих отношениях трагического, движения от *die Arbeit* к *die Selbstbetätigung*: от *вынужденности* — к *свободе*, от *отчуждения* — к *полноте бытия*, от *неподлинности* человеческого бытия — к его *подлинности*, от *страдания* — к *удовольствию*. В структуре этого исторического движения при ближайшем рассмотрении можно выделить следующие три стадии:

1) тотальное господство — *die Arbeit* (что соответствует первичной, доэкономической общественной формации);

2) разделение общества на социальные группы, одна из которых существует за счет другой в силу наличия излишков (позже — частной собственности), т.е. происходит *социальное* разделение между *die Arbeit* и *die Selbstbetätigung* — страданием и наслаждением, характеризующееся неравенством (характерно для экономической общественной формации);

3) тотальное господство — *die Selbstbetätigung* при известном сохранении необходимого труда (*die Arbeit*), который, правда, уже не будет носить характера отчуждения и страдания, так как индивиды будут выбирать его свободно (постэкономическая общественная формация).

Таким образом, история приобретает своеобразное экзистенциальное измерение [7, с. 381], ибо здесь схватывается то, как люди лично относятся к своей собственной деятельности и ее общественному характеру. В силу же того, что *die Arbeit* означает не-свободу, *работа* есть *бесчеловечность*, в то время как подлинность человеческого бытия, данная в наслаждении свободным творчеством *die Selbstbetätigung*, есть, напротив, *человечность*. Таким образом, исторический процесс, по Марксу, разворачивается не только в сторону всесторонне развитой личности, не только в сторону господства творчества и свободы, не только в сторону действительного наслаждения своей свободной деятельностью, но и в сторону человечности. Перефразируя известное высказывание Ф. Энгельса, можно сказать, что коммунистическая революция есть скачок из «царства бесчело-

вечного существования человека» в «царство подлинной человечности» [8, с. 39—42].

Самое важное в этом деятельностном срезе истории состоит в том, что Маркс в своих работах достаточно подробно исследует, каким образом *die Arbeit* и *die Selbstbetätigung* влияют на человеческих индивидов: как работа в качестве отчужденного труда уродует внешний и внутренний мир рабочего; как, казалось бы, свободная деятельность праздного капиталиста в условиях отчуждения также приносит ему страдания в виде одиночества, пресыщенности, скуки и несчастья. «Имуций класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение (*menschliche Selbstentfremdung*). Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство *своего собственного могущества* и обладает в нем *видимостью* человеческого существования (*Schein einer menschlichen Existenz*). Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении (*Entfremdung*) уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования (*Wirklichkeit einer unmenschlichen Existenz*)» [8, с. 39].

Только коммунистическая революция сбрасывает «с себя всю старую мерзость» и уничтожает не один господствующий класс, заменяя его другим господствующим классом, а «современную форму деятельности» [2, с. 70]: «при всех прошлых революциях характер деятельности всегда оставался нетронутым, — всегда дело шло только об ином распределении этой деятельности, о новом распределении труда между иными лицами, тогда как коммунистическая революция выступает против прежнего *характера* деятельности, устраняет *труд*» [2, с. 70].

Наслаждение и радость возможны только тогда, когда человеческая деятельность перестает быть *работой, вынужденным трудом, осуществляемым ради физического выживания*, и становится *самодетельностью*. *Деятельность* же, совершающаяся в условиях, в которых уничтожен отчужденный труд, по сути дела, совпадает с *наслаждением*, так как здесь «отпадает самая основа всей этой противоположности между трудом и наслаждением!» [2, с. 206].

Подводя итог, можно заключить, что в философии истории Маркса имеет место не только собственно социально-производственное понимание исторического процесса, которое выражено в его учении об общественных формациях и способах производства. Социальные процессы производства и воспроизводства наличного бытия человеческих индивидов, безусловно, являются *базисными*. Более того, именно их анализ позволяет научно объяснить историческую динамику социального бытия. Но для Маркса социально-производственные процессы — это всего лишь тот фундамент, посредством анализа которого мы можем пробиться к собственно человеческому, экзистенциальному срезу исторического процесса. А этот срез эксплицирует, что история — это не только естественноисторическая закономерная смена способов производства и общественных формаций, но и параллельное освобожде-

ние человека от бесчеловечности, постепенное превращение его в подлинно человеческое существо, сущность которого заключается в способности свободно осуществлять свою творческую деятельность, наслаждаясь ею. К сожалению, эта экзистенциальная интерпретация истории в работах К. Маркса до сих пор остается незамеченной.

Литература

1. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М. : Политиздат, 1956.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. — М. : Политиздат, 1955. — Т. 3.
3. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 гг. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — М. : Политиздат, 1968. — Т. 46, ч. 1.
4. Маркс К. Ницета философии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — М. : Политиздат, 1955. — Т. 4.
5. Маркс К. Капитал / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — М. : Политиздат, 1961. — Т. 23.
6. Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. — М. : Республика, 1993.
7. Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм. — М., 1992.
8. Маркс К. Святое семейство / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. — М. : Политиздат, 1955. — Т. 2.

Любутин К. Н., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Уральского отделения РАН г. Екатеринбург

*E-mail: philosophy7@mail.ru
Тел.: (343) 358-18-19*

Кондрашов П. Н., кандидат философских наук, доцент докторант Института философии и права УрО РАН г. Екатеринбург

*E-mail: stif.lo@rambler.ru
Тел. 8-950-652-97-65*

Lyubutin K. N., Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow of the Urals Division of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg

*E-mail: philosophy7@mail.ru
Tel.: (343) 358-18-19*

Kondrashov P. N., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Post-doctoral Student, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Science, Ekaterinburg

*E-mail: stif.lo@rambler.ru
Tel.: 8-950-652-97-65*